

**УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ
СПЕЦИАЛЬНЫМ ОРГАНИЗОВАННЫМ ФОРМАМ
ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
ЗАКОНОДАТЕЛЬНО-ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ**

Магнутов Юрий Сергеевич

Председатель Борского городского суда

Нижегородской области

Бор, Россия

E-mail: gos4361@yandex.ru

Предмет исследования: специальные организованные формы экстремистской деятельности, закрепленные в ст. 282.1 и ст. 282.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Цель исследования: формулирование юридико-технических и интерпретационных предложений, нацеленных на модернизацию курса уголовной политики в области противодействия специальным организованным формам экстремистской деятельности, закрепленным в ст. 282.1 и ст. 282.2 УК РФ.

Перечень методов и объектов исследования. В целях получения достоверных и обоснованных результатов исследования использовались общенаучные и частнонаучные методы познания, применяемые в гуманитарных (юридических) науках. Исследование ст. ст. 35, 205.5, 210, 282.1, 282.2 УК РФ осуществлялось с использованием метода контент-анализа. Логический и системно-структурный при соотношении признаков экстремистского сообщества, террористического сообщества и преступного сообщества. На основе метода дедукции определены частные, концептуально юридически значимые признаки экстремистского сообщества. Метод индукции позволил определить уровень опасности специальных организованных форм экстремистской деятельности. Диалектический метод использовался при рассмотрении доктринальных уголовно-правовых позиций, определяющих направления противодействия специальным организованным формам экстремистской деятельности.

Выводы по результатам исследования: 1) обоснована потребность в юридической дифференциации ответственности за совершение преступлений в составе специально организованных в зависимости от формы соучастия; 2) предложено включение в Уголовный кодекс РФ статьи, предусматривающей ответственность за организацию экстремистской группы; 3) аргументирована необходимость дополнения ст. 35 УК РФ частью 41 с закреплением в ней новой формы соучастия «Экстремистское сообщество»; 4) представлена авторская редакция ч. 1 ст. 282.2 УК РФ; 5) обосновано усиление уровня уголовно-правовой репрессии для участников международных экстремистских организаций.

Ключевые слова: экстремизм, специальные организованные формы экстремистской деятельности, экстремистское сообщество, экстремистская организация, противодействие, уголовная политика.

CRIMINAL-LEGAL COUNTERACTION TO SPECIAL ORGANIZED FORMS OF EXTREMIST ACTIVITY: LEGISLATIVE AND INTERPRETIVE ASPECTS

Yuri S. Magnutov

Chairman of the Bor City Court

Nizhny Novgorod region

Bor, Russia

E-mail: gos4361@yandex.ru

Subject of research: special organized forms of extremist activity, enshrined in Art. 282.1 and Art. 282.2 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter – the Criminal Code of the Russian Federation).

The purpose of the study: the formulation of legal, technical and interpretative proposals aimed at modernizing the course of criminal policy in the field of countering special organized forms of extremist activity, enshrined in Art. 282.1 and Art. 282.2 of the Criminal Code of the Russian Federation.

List of methods and objects of research. In order to obtain reliable and reasonable research results, general scientific and particular scientific methods of cognition used in the humanities (legal) sciences were used. Research Art. 35, 205.5, 210, 282.1, 282.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, was carried out using the content analysis method. Logical and system-structural in the correlation of signs of an extremist community, a terrorist community and a criminal community. On the basis of the deduction method, particular, conceptually legally significant features of an extremist community are identified. The method of induction made it possible to determine the level of danger of special organized forms of extremist activity. The dialectical method was used when considering doctrinal criminal law positions that determine the direction of countering special organized forms of extremist activity. Conclusions based on the results of the study: 1) the need for legal differentiation of responsibility for committing crimes in the composition of special organized crimes, depending on the form of complicity, is substantiated; 2) it is proposed to include in the Criminal Code of the Russian Federation an article providing for liability for organizing an extremist group; 3) the need to supplement Art. 35 of the Criminal Code of the Russian Federation, part 41, with the consolidation in it of a new form of complicity "Extremist community"; 4) the author's version of Part 1 of Art. 282.2 of the Criminal Code of the Russian Federation; 5) the strengthening of the level of criminal-legal repression for members of international extremist organizations is justified.

Keywords: extremism, special organized forms of extremist activity, extremist community, extremist organization, counteraction, criminal policy.

Введение

На всех этапах развития цивилизации человечество борется с различными проявлениями организованной преступности, в том числе ставящей под угрозу государственное устройство. За последние тридцать лет такого рода групповая деликвентно-криминальная деятельность эволюционировала, приобрела новые качественно-количественные характеристики. Особо это прослеживается в развитии преступных организованных форм с признаками экстремистской деятельности. Отчасти являясь новым политико-правовым феноменом, экстремизм и сопровождающая его мотивация объединяют значительное количество людей, целью которых является подрыв основ конституционного строя и безопасности государства. Ярким примером могут выступить события, произошедшие в Сирии, Афганистане, Казахстане и других государствах. Например, организация «Талибан», признанная в России экстремистской, одномоментно и полностью захватила власть в стране. Без специального уровня ее организованности и особых характеристик личности экстремиста [7, с. 104-109] совершить такие

широкомасштабные действия было бы невозможно. Вышеизложенное предполагает различные возможные вариации развития уголовной политики во взятой для исследования области.

Результаты и заключение

Концептуальной и первостепенной видится потребность в самостоятельной криминализации ответственности за организацию экстремистской группы и экстремистского сообщества. Связано это с тем, что на сегодняшний день мы видим минимум три разнополярных подхода, определяющих форму соучастия, к которой относится экстремистское сообщество.

В рамках первого (и он является наиболее распространенным) обосновывается идея о признании такого рода совместной преступной деятельности в качестве разновидности организованной группы [1, с. 105-106; 2, с. 195; 13, с. 51-54; 16, с. 12-15].

Второй подход, с чуть меньшей долей активности, обосновывает необходимость отнесения экстремистского сообщества к частному виду сообщества преступного [4, с. 120; 9, с. 247; 15, с. 160-161; 19, с. 14-15].

В третьем формируется позиция о целесообразности рассмотрения такого рода сообщества и через призму признаков организованной группы, так и через характеристики преступного сообщества [17, с. 9; 20, с. 11-16].

Рассматривая экстремистское сообщество через призму признаков организованной группы, обнаруживается согласованность положений ст. 282.1 УК РФ и ч. 3 ст. 35 УК РФ.

Полагаем, что в случае поддержки исследуемой позиции необходимо исключить из п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» позиции, допускающие наличие структурных подразделений или частей в экстремистском сообществе.

Однако считаем применение такого приема тупиковым по следующим причинам. Во-первых, он не будет симметричным в ответ на угрозы, исходящие от организованных форм экстремистской деятельности. Например, в настоящее время существует достаточное количество высокоорганизованных экстремистских сообществ, деятельность которых распространена на территории нескольких государств и субъектов Российской Федерации, что предполагает наличие обособленных структурных подразделений, тем самым легитимирует применение более жестких уголовно-правовых мер, соответствующих направлениям уголовной политики в области противодействия преступным сообществам. Ознакомившись со списком запрещенных на территории России экстремистских организаций, подчеркнем, что статусом международных обладают восемь таких общественных объединений и религиозных организаций [8].

Во-вторых, отказ от учета такого рода обстоятельства фактически приведет к искусственной латентности исследуемого вида групповой преступности и, как следствие, росту количества совершаемых деяний экстремистской направленности.

В-третьих, уровень уголовно-правового реагирования на такого рода преступную деятельность не будет соответствовать ее общественной опасности, что существенно снизит качество противодействия экстремизму.

В этой связи в доктрине уголовного права сформирована идея, допускающая рассмотрение экстремистского сообщества как разновидности сообщества преступного. В обосновании такого довода предлагается следующая аргументация.

Во-первых, преступное сообщество может быть сформировано и в рамках одной организованной группы, но включающей в себя ряд структурных подразделений. В ч. 1 ст. 282.1 УК РФ на это обращено особое внимание. Так, говоря о руководстве экстремистским сообществом, законодатель специально указывает на возможные варианты его построения, включающие в том числе его части и структурные подразделения, что присуще скорее сообществу преступному, нежели классической организованной группе.

Во-вторых, к организационно-структурному уровню преступного сообщества в том числе относится создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений такого сообщества, что прямо закреплено в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)».

В-третьих, о допустимости наличия структурных подразделений в сообществе экстремистской направленности сказано и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».

Актуализировать продемонстрированный выше подход хотелось бы мнением ученых о возможности рассмотрения экстремистского сообщества и как организованной группы, и как формы сообщества преступного [3, с. 156; 20, с. 11-16]. Полагаем, что это возможно только с определенной долей условности, так как признаки, указанные в ст. 282.1 УК РФ, в полном объеме не охватывают характеристики, отраженные в ч. 4 ст. 35 УК РФ.

Считаем, что, включая в УК РФ ст. 282.1, законодатель заложил в нее репродуктивную функцию, допускающую в перспективе разделение соучастия на организованную группу и преступное сообщество в рамках рассматриваемой формы группового экстремистского поведения, что подтверждается судебной практикой, формировавшейся до 2011 года.

Доказывается это и достаточным уровнем неопределенности по признакам экстремистского сообщества, закрепленным в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».

К признакам организованной группы отнесены следующие: объединяющая цель – совершение преступлений экстремистской направленности и устойчивость. Выделяемые признаки могут подтверждаться наличием организатора, стабильностью состава и согласованностью преступных действий. Эти характеристики вытекают не только из положений ч. 3 ст. 35 УК РФ, но и основной массы интерпретационных актов, определяющих свойства организованной группы. Вместе с тем в п. 12 отмеченного выше интерпретационного акта включены и свойства преступного сообщества: возможное наличие структурных подразделений или частей; различные формы взаимодействия и обеспечительной деятельности, что прямо закреплено в постановлении Пленума Верховного Суда от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)».

Вышеизложенное дает основание выступить со следующей научной гипотезой. В актуальной юридико-технической редакции ст. 282.1 УК РФ закреплена гибридная норма, наделяющая экстремистское сообщество не только признаками организованной группы, но и юридически значимыми характеристиками сообщества преступного.

Для снятия такого рода коллизии нам видится следующий путь. Учитывая то обстоятельство, что с момента включения в УК РФ ст. 282.1 как в практической деятельности судов, так и на площадке научного сообщества сформировалось две устойчивые позиции, обосновывающие рассмотрение экстремистского сообщества не только как разновидности организованной группы, но и преступного сообщества, что сегодня подтверждается и уровнем организованности экстремистской деятельности. Считаем, что настал момент, когда необходимо провести такого рода дифференциацию в рамках более четкого разделения форм соучастия в рамках исследуемой разновидности криминальной организованной деятельности экстремистского толка.

Мы не приемлем ее решение в рамках одной статьи УК РФ, как было предложено рядом авторов, так как такой прием не соответствует тренду современной уголовной политики, а также опыту, положительно апробированному за рубежом. В частности, на необходимость отдельного закрепления ответственности за совершение группового преступления в составе

организованной группы или сообщества указывают не только положения ст. 35 УК РФ, но и отдельная криминализация бандитизма, и деятельности преступной организации – преступного сообщества в ст. 210 УК РФ.

Для дополнительной аргументации выдвигаемой научной гипотезы представим приемы, реализованные в исследуемой области в зарубежных странах.

Например, в Уголовном кодексе Республики Казахстан закреплена ст. 182 «Создание, руководство экстремистской группой или участие в ее деятельности». То есть на данный момент в Казахстане исследуемая форма преступного поведения рассматривается исключительно через признаки организованной группы.

В Республике Таджикистан в ст. 307 (2) УК РТ хотя и используется идентичное российскому уголовному законодательству понятие «экстремистское сообщество», вместе с тем оно также рассматривается через юридические характеристики организованной группы.

В Уголовном кодексе Украины в ст. 258-3 установлена ответственность за создание террористической группы или террористической организации, что также определяет конкретную форму соучастия такого рода организованной формы преступной деятельности.

Итак, приходим к выводу о том, что на территории постсоветского пространства групповая экстремистская преступная деятельность рассматривается через призму признаков организованной группы.

В этой связи считаем, что и в российском уголовном законодательстве ответственность должна быть отдельно установлена за организацию экстремистской группы и организацию экстремистского сообщества как новой формы соучастия. Решение предлагаемого подхода требует включения в ст. 35 УК РФ ч. 41 «экстремистское сообщество» в следующей редакции: «Преступление признается совершенным экстремистским сообществом, если оно совершено структурированной организованной группой или объединением организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких преступлений с признаками экстремистской деятельности».

Также назрела необходимость введения в законодательный оборот дефиниции, охватывающей иные экстремистские деяния, не обременённые мотивами политической, идеологической, расовой, религиозной ненависти или вражды. Подчеркнем, что по возможному развитию данного направления у нас имеется своя позиция. Связана она с необходимостью использования не нового, а уже имеющегося понятийно-категориального аппарата. Такой прием будет свидетельствовать об унифицированности, однополярности и эффективности государственной стратегии противодействия экстремизму. Это также позволит устранить смысловые противоречия как в законодательных, интерпретационных, так и доктринальных подходах, определяющих деяния экстремистского толка.

Реализация предлагаемого подхода вытекает из правовых последствий, наступивших в результате принятия федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», повлекшего кардинальные изменения ряда отраслевых законодательств, в том числе и уголовного. На первоначальном этапе это выразилось во включении в УК РФ ранее неизвестных отечественному праву деяний, при конструировании которых использовались однокоренные с экстремизмом понятия (экстремистское сообщество, экстремистская организация, преступления экстремистской направленности). Учитывая их доктринально-законодательную новизну, возникла масса проблем по применению соответствующих положений уголовного закона. На протяжении уже более чем десяти лет идет апробация их применения, вместе с тем все проблемы еще не решены. С нашей точки зрения, главная причина происходящего – это не рост экстремистских настроений и появление его новых форм, а терминологическая неопределенность. Подчеркивая имманентную связь федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» и антиэкстремистских уголовно-правовых запретов, отметим, что диспозиции деяний экстремистской направленности относятся к бланкетным, так как для установления признаков таких преступлений необходимо обратиться к отмеченному профильному нормативному акту. Высказанная позиция предполагает использование

идентичных понятий, так как цель, стоящая перед всеми органами и субъектами, задействованными в рассматриваемом процессе, одна – это выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности, а достичь ее путем использования разных юридических категорий невозможно. Случаи применения такого приема, конечно, есть. Например, в рассматриваемом федеральном законе и УК РФ используются такие термины, как «преступления экстремистской направленности», «экстремистская организация» и т. д. Но это не решает одну из важнейших уголовно-правовых проблем. И связана она с определением признаков и системы деяний с признаками экстремистской деятельности, так как понятие, закрепленное в примечании 2 к ст. 282.1 УК РФ, не охватывает всего перечня преступлений, относимых к экстремистским, определяя лишь одну из неотъемлемых его групп, основанную на особом виде мотивационного поведения. Это подтверждается не только активно развивающимся уголовным законодательством во взятой для исследования области, постоянно пополняемым новыми нормами во взятой для исследования области, но и содержанием ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», относящим к экстремизму (экстремистской деятельности) массу иных деяний, рассредоточенных по всему уголовному законодательству и не обремененных мотивами политической, идеологической, расовой, религиозной ненависти или вражды, прямо закрепленными в диспозициях. Например, ст. 78 УК РФ «Насильственный захват власти или насильственное удержание власти». Для устранения выявленной неопределенности в формировании понятия и системы деяний экстремистского толка целесообразно использование законодательно установленной дефиниции – «экстремистская деятельность». Применительно к уголовному законодательству это может быть представлено в следующей интерпретации – «преступления, связанные с экстремистской деятельностью», как предлагает С. Н. Фридинский [14, с. 46], или «преступления, сопряженные с экстремистской деятельностью». Такой прием сразу же снимет критику в отношении понятия «преступления экстремистской направленности», отнеся их к одной из групп предлагаемого термина, тем самым обоснованно интегрировав в него и иные деяния, содержащие в себе признаки экстремизма.

Соглашаясь с И. Я. Козаченко и С. В. Розенко в необходимости закрепления в Уголовном кодексе РФ этого понятия [5, с. 115-123], считаем, что оно должно найти свое отражение не в Общей, а в Особенной части УК РФ. Это связано с установившейся традицией размещения специализированного понятийного аппарата в примечаниях к статьям, расположенным с шестого по двенадцатый раздел уголовного закона. Примером могут выступить понятия «хищение», «должностное лицо» и т. д.

На основании вышеизложенного предлагаем введение в УК РФ следующей дефиниции: «Преступлениями, связанными с экстремистской деятельностью, признаются иные общественно опасные деяния с признаками экстремизма, в соответствии с законодательством о противодействии экстремистской деятельности».

Видится необходимость включения в систему отягчающих признаков специальных организованных форм экстремистской деятельности, использование информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет. Обусловлено это следующим.

Во-первых, гиперцифровизация общества повлекла за собой не только положительный, но и отрицательный эффект, выразившийся в проникновении преступности в виртуальное пространство, используемое при совершении разного рода преступлений, в том числе и с признаками экстремистской деятельности. В частности, с 2017 года ГИАЦ МВД России стал вести учет преступлений с использованием телекоммуникационных технологий. Так, если в 2017 году их было зарегистрировано 90 587, то в 2021 уже 517 762 деяния [6, 7].

Во-вторых, информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть Интернет, стали главным инструментом распространения экстремистских идеологий как в легальных, так и нелегальных его секторах. Это подтверждается списками экстремистских материалов, учет которых ведет Министерство юстиции Российской Федерации [18].

В-третьих, с использованием такого рода инструмента происходит процесс активного вовлечения новых участников экстремистских сообществ и организаций, что позволяет оперативно не только существенно увеличить количество их членов, но и организовать, а также курировать в режиме реального времени такого рода преступную деятельность.

В-четвертых, учитывая, что активными пользователями виртуального пространства является молодое поколение, наблюдается резкий рост среди участников экстремистских сообществ и экстремистских организаций малолетних и несовершеннолетних. Полагаем, что вышеотмеченные позиции стали причиной создания в МВД России рабочей группы, задача которой – мониторинг интернет-ресурсов, замеченных в манипулировании несовершеннолетними в цифровом пространстве. Стратегической задачей такой группы стал поиск эффективных методов противодействия преступлениям с признаками криминального манипулирования сознанием несовершеннолетних [11].

В-пятых, цифровизация мирового пространства и, как следствие, проникновение в нее экстремистских идей, распространяющихся на всех континентах, придают исследуемому явлению принципиально иные, отличающиеся от ранее заложенных характеристик, позволяя придать организованным формам экстремистской деятельности статус наиболее актуальной общемировой проблемы – вируса, заразившего все человечество.

В-шестых, на это обращается особое внимание на международных площадках сотрудничества в области противодействия экстремизму. Например, в резолюции Совета Безопасности ООН № 2368 2017 года [12] на это обращено особое внимание. Так, отмечено, что телекоммуникационные сети в современном формате используются не только для вербовки новых участников, например таких запрещенных в России организаций, как «ИГИЛ» или «Аль-Каида», но и в целях их финансирования, что предполагает пересмотр уже имеющихся механизмов противодействия такой деятельности.

Не можем мы не акцентировать внимание и на текстуальном изложении диспозиции ч. 1 ст. 282.2 УК РФ. Проблема, которую мы хотим поднять, активно обсуждается и в рамках противодействия преступлениям террористической направленности на примере ч. 1 ст. 205.5 УК РФ. Это касается не только тавтологической формы изложения нормы уголовного закона, о чем свидетельствует трехкратное использование терминов «организация» и «деятельность» с различным их смысловым содержанием, но и усложнения тем самым понимания ее смысла.

Наиболее приемлемым ее решением видится упрощение изложения признаков объективной стороны исследуемого деяния с учетом рекомендаций, изложенных в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, где под организацией понимается только продолжение или возобновление противоправной деятельности, что существенно уже семантического содержания такого термина, как «организация». В этой связи считаем целесообразным построить диспозицию ч. 1 ст. 282.2 УК РФ по следующей форме ее описания: «Организация, то есть продолжение или возобновление деятельности, общественного или религиозного объединения либо иной организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана экстремистской, за исключением террористических организаций...»

На основании вышеизложенного считаем лишним указание в рассматриваемой уголовно-правовой норме следующей части текста «...за исключением организаций, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации признаны террористическими», так как такого рода диспозиция является не только описательной или бланкетной, но и ссылочной, и для определения признаков выделяемого деяния необходимо обратиться к ст. 205.5 УК РФ, где уже сделано подобного рода указание. Такой прием также будет указывать на единство и унифицированность уголовно-правового противодействия таким неразрывным и внутренне схожим явлениям, как экстремизм и терроризм, что подтверждается буквально однообразным токованием продолжения или возобновления деятельности экстремистской или террористической организации, даваемым главным интерпретатором.

Уверены в том, что упрощение изложения редакции ч. 1 ст. 282.2 УК РФ не только не исказит истинного смысла, вложенного в нее законодателем, но и упростит понимание ее ключевых уголовно-правовых признаков, тем самым повысит уровень превентивного воздействия на распространение деятельности экстремистских организаций в России.

В рамках ст. 282.2 УК РФ также определяется возможность реализации еще одного направления более глубокой дифференциации ответственности. Это касается учета уровня распространенности экстремистской организации по территории. Не вызывает сомнения, что общественная опасность экстремистских организаций, действующих только на территории Российской Федерации и имеющих свои представительства за рубежом, разная. Ознакомившись со списком запрещенных на территории России экстремистских организаций, подчеркнем, что статусом международных обладают восемь таких общественных объединений и религиозных организаций (Международное религиозное объединение «Нурджулар»; Международное религиозное объединение «Таблиги Джамаат»; Международное религиозное объединение «Ат-Такфир Валь-Хиджра»; Международное объединение «Кровь и Честь»; Международное общественное движение «Арестантское уголовное единство»).

Такой формат их существования указывает на значительную численность участников. Возможность проведения одномоментных преступных акций сразу же на территории нескольких государств. Как следствие, более высокий уровень организованности и сплоченности, что требует адекватного уголовно-правового реагирования по причине наступления в результате их деятельности более значимых последствий.

В этой связи считаем необходимым дополнить ч. 3 ст. 282.2 УК РФ п. «в» следующего содержания: «деяния, предусмотренные, ч. 1, 1.1 или 2 настоящей статьи, совершенные лицом, являющимся участником международного общественного объединения и религиозной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности на территории Российской Федерации».

Заключение и выводы

Подводя итог проведенному исследованию, подчеркнем, что выдвигаемые предложения, конечно же, требуют глубокого обсуждения как среди ученых, так и представителей законодательной и судебной власти. Вместе с тем они подчеркивают не только опасность, исходящую от современного формата специальных организованных форм экстремистской деятельности, но и подталкивают к дальнейшей модернизации курса уголовной политики во взятой для рассмотрения области.

Современный законотворческий концепт уголовно-правового противодействия специальным организованным формам экстремистской деятельности может выглядеть в следующем формате:

- а) установление ответственности за организацию экстремистского сообщества;
- б) включение в ст. 35 УК РФ новой формы соучастия с закреплением ее в части 41 «Экстремистское сообщество»;
- в) закрепление в примечании к ст. 282.1 УК РФ новой категории общественно опасных деяний «преступления, связанные с экстремистской деятельностью»;
- г) отнесение к системе отягчающих признаков специальных организованных форм экстремистской деятельности, использование информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет;
- д) в разрезе унификации антиэкстремистского и антитеррористического законодательства целесообразно приведение во внутриотраслевое соответствие диспозиций ст. 205.5 и 282.2 УК РФ;
- е) дополнение ч. 3 ст. 282.2 УК РФ п. «в» следующего содержания: «деяния, предусмотренные ч. 1, 1.1 или 2 настоящей статьи, совершенные лицом, являющимся участником международного общественного объединения и религиозной организации,

в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности на территории Российской Федерации».

Литература

1. Борисов, С. В. Экстремистское сообщество как вид организованной группы / С. В. Борисов. – Текст : непосредственный // Закон и право. – 2010. – № 1. – С. 105-106.
2. Борисов, С. В. Квалификация преступлений экстремистской направленности : учебное пособие / С. В. Борисов, А. В. Жеребченко. – Москва : Волтерс Клувер, 2011. – 288 с. – Текст : непосредственный.
3. Горемычкин, И. Е. Уголовно-правовые нормы о групповых преступлениях в институте соучастия : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / И. Е. Горемычкин. – Москва, 2020. – 201 с. – Текст : непосредственный.
4. Зубалова, О. А. Уголовно-правовые меры борьбы с организацией экстремистского сообщества : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / О. А. Зубалова. – Нижний Новгород, 2013. – 180 с. – Текст : непосредственный.
5. Козаченко, И. Я. О совершенствовании правовой регламентации преступлений экстремистской направленности / И. Я. Козаченко, С. В. Розенко. – Текст : непосредственный // Правоведение. – 2013. – № 1 (306). – С. 115-123.
6. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2017 года. – Текст : электронный // URL: <https://мвд.рф/reports/item/12167987/> (дата обращения: 11.04.2022).
7. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2021 года. – Текст : электронный // URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552/> (дата обращения: 11.04.2022).
8. Международное религиозное объединение «Нурджулар»; Международное религиозное объединение «Таблиги Джамаат»; Международное религиозное объединение «Ат-Такфир Валь-Хиджра»; Международное объединение «Кровь и Честь»; Международное общественное движение «Арестантское уголовное единство» – Текст : электронный // Перечень общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/> (дата обращения: 11.04.2022).
9. Петрянин, А. В. Личность экстремиста: криминологический аспект / А. В. Петрянин. – Текст : непосредственный // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2012. – № 4 (20). – С. 104-109.
10. Петрянин, А. В. Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности: теоретико-прикладное исследование : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / А. В. Петрянин. – Нижний Новгород, 2015. – 490 с. – Текст : непосредственный.
11. Полиция решила оградить российских подростков от манипуляторов и АУЕ в Сети. – URL: <https://lenta.ru/news/2020/09/01/protect/> (дата обращения: 11.04.2022). – Текст : электронный.
12. Резолюция № 2368, принятая Советом Безопасности ООН на его 8007-м заседании 20 июля 2017 г. – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/223/48/PDF/N1722348.pdf> (дата обращения: 11.04.2022). – Текст : электронный.
13. Тюнин, В. Организация экстремистского сообщества / В. Тюнин. – Текст : непосредственный // Уголовное право. – 2006. – № 3. – С. 51-54.

14. Фридинский, С. Н. Борьба с экстремизмом: уголовно-правовые и криминологические аспекты : монография / С. Н. Фридинский. – Ростов-на-Дону : РЮИ МВД России, 2004. – 195 с. – Текст : непосредственный.
15. Фридинский, С. Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование) : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / С. Н. Фридинский. – Москва, 2011. – 366 с. – Текст : непосредственный.
16. Хлебушкин, А. Г. Квалификация деятельности экстремистской организации / А. Г. Хлебушкин. – Текст : непосредственный // Законность. -2012. – № 3. – С. 12-15.
17. Хлебушкин, А. Г. Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / А. Г. Хлебушкин. – Саратов, 2007. – 27 с. – Текст : непосредственный.
18. Экстремистские материалы. – URL: <https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/> (дата обращения: 11.04.2022). – Текст : электронный.
19. Юдичева, С. А. Уголовная ответственность за организацию экстремистского сообщества и участие в нем : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / С. А. Юдичева. – Москва, 2014. – 219 с. – Текст : непосредственный.
20. Яни, П. С. Квалификация преступлений экстремистской направленности / П. С. Яни. – Текст : непосредственный // Российская юстиция. – 2011. – № 10. – С. 11-16.